

Секция «Журналистика»

Пир, мир и другие фундаментальные категории. Эссе об эссеистах (о творчестве П. Вайля и А. Гениса)

Степанянц Ольга Валерьевна

Студент

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Факультет журналистики, Москва, Россия
E-mail: emerald-lizard1@yandex.ru*

Два умных, благодушно настроенных человека сидят на кухне, за добротным накрытым столом. Для верности традициям им непременно нужен третий: собеседник, который не позволит разговору вылиться в плоскую дихотомию, принесёт в него свежие мысли, примет на себя функции арбитра, третьего глаза, et cetera. Этим третьим может стать кто угодно: страна, континент, цивилизация, литературные герои, а то и вся мировая литература, мировая культура; и вот их уже не трое, а бесконечное множество: это уже не просто посиделки на кухне, а настоящий пир, на котором читатель становится самым почётным гостем.

Ведь пир – это не просто сборище едоков, а древний обряд, которому во все времена придавали сакральное значение. Здесь утоляют голод не только телесный, но и духовный (хулигански вспоминается горбачёвский(-ая?) пир духа). На пиру говорят о сущности любви, о предметах гордости, утверждают в своей витальности; возвышенное общение всегда порождает новые идеи, которые будут развиваться и толковаться в последующих столетиях, и званый обед, когда радушный хозяин потчует гостей припасёнными яствами, перерастает в братчину, когда жители мировой деревни несут на общий стол свои припасы, кто чем богат.

Кулинарная метафора – пожалуй, самая доходчивая, и уж точно понятная каждому. Некоторые, впрочем, упорно разводят по разным полюсам бытия пищу духовную и телесную, но как человек, довольствующийся одними бутербродами, способен осознать красоту гоголевского языка? Пётр Вайль и Александр Генис призывают к гедонизму и отказу от диет как искусственных рамок, поэтому они смогли взглянуть на русскую классику свежо и нетривиально, а не повторять затверженный раз и навсегда протухший урок.

Вайль и Генис – путешественники. Они исследуют новые земли, будто первопроходцы, высадившиеся на неизведанную дикую землю, и меряют всё на аршин универсальной культуры. Они показывают нам Америку как огромное, заросшее тростником мифа пространство, населённое древними духами. Там, за морем-океаном, всё вообще другое: от напряжения и частоты переменного тока в розетках до неба над головой. Новый Свет, другое измерение, люди ходят вверх ногами и, конечно, у них пёсьи головы. Над крышами их домов совсем другие созвездия, и океан окружает эту сказочную землю, не давая забыть о Старом Свете, откуда все обитатели Америки в разное время приплыли, кто на чём. И вот авторы-исследователи проникаются этой иноземной мудростью, входят в контакт с местными духами и начинают переводить их заклинания на наш язык, жонглируя словами и смыслами.

Но иногда Вайль и Генис снимают одеяния шаманов и мантии мудрецов и, оставаясь в шортах и майках – американский дресс-код – пишут нам письма из США: и тогда

чаще всего описывают быт, детали повседневности: какие здесь супермаркеты, заведения общепита, улицы, дома, выражения лиц. Но не стоит недооценивать эти мелочи: из таких-то крохотных лоскутов бытия и шьётся значительная часть пёстрого одеяла, которое принято называть национальной самоидентификацией.

Авторы неизбежно сравнивают США с покинутым СССР, и остаются, во-первых, беспросветными рижанами, а во-вторых, российскими людьми. Поэтому во всём они ищут соответствий, не экзотики, а привычных явлений, а они всплывают иногда, откуда и не ждали. Впрочем, так происходит не только с ними, таков уж механизм, который срабатывает в каждом эмигранте: *«Попав на Запад, эмигрант вначале удовлетворяет свою страсть к прежде недоступной новизне: открывает газеты и рестораны, глазет на негров, становится евреем, ездит на Багамы. Устроившись, эмигрант осваивает на новой земле знакомые соответствия: в газетах прославляет правительство, в ресторанах обсчитывает и поёт «Червону руту», евреев избегает, негров называет «шахтёрами», вздыхает о Гурзуфе».*

Благодаря той же ностальгии родилась книга «60-е: мир советского человека». Это попытка исследования недавнего прошлого – пожалуй, самого, интересного вида прошлого: авторы в нём пребывали, но вот происходит что-то невидимое и непостижимое – и вдруг всё то, что было повседневностью, вдруг плавно отъезжает в анналы истории, да ещё и обрастает мифами, как затонувший фрегат – кораллами и моллюсками. *«Главной нашей задачей была попытка воспроизвести атмосферу 60-х, описать не столько события, сколько нравы, образ жизни, общественные идеи, стиль эпохи».* Как позже по аналогичному поводу будет говорить Леонид Парфёнов: «то, без чего нас невозможно представить, ещё труднее – понять».

Вайль и Генис собирают гербарий из артефактов прошлого, но он имеет мало общего с теми вялыми лепестками, вываливающимися из редкочитаемых книг: все явления, описанные у них, не только сохраняют объём, запах, вкус и цвет, но и обрастают новыми ассоциациями: эпоху невозможно взять и просто отрезать от потока времени, поскольку он непрерывен и никогда не замирает. Большое видится только на расстоянии, поэтому, отстаиваясь в дубовых бочках памяти, события и явления с годами становятся только лучше, как и подобает благородным напиткам.

И рассматриваемый мир то расширяется до невероятных размеров, и каждая деталь в нём становится поистине раблезианской, то сужается до того, что помещается в миниатюрную баночку для специй, и его можно рассмотреть как целое, а то и в мельницу, где все душистые его компоненты перемалываются и отдают нам лучшее – свой пряный аромат.

Литература

1. Вайль П., Генис А. 60-е. Мир советского человека. Изд. 2-е, испр. М.: Новое литературное обозрение, 1998.
2. Вайль П., Генис А. Родная речь: Уроки изящной словесности / Предисл. А.Синявского. – М.: Издательство КоЛибри, 2008.
3. Вайль П., Генис А. Русская кухня в изгнании: М.: Колибри, 2007.